

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№3 2008 год

Демин Вадим Петрович, член-корреспондент РАО,
доктор искусствоведения, профессор, зав. отделом дополнительного образования
Института художественного образования РАО

О педагогическом даре А.С. Пушкина

Художественное образование (в том числе и дополнительное, как это не покажется странным) тесно связано с воспитанием, поскольку истинно художественное – всегда педагогично. Оно (художественное) помогает юному человеку формировать в себе два вечных и самых значительных преимущества, делающих его личностью – просвещенность и нравственность. Школа, как мне кажется, не всегда придает значение просвещению, сводит его к открыванию глаз на что-нибудь. Не случайно, видимо, много в школе «проходят», а не изучают. Между тем, просвещать по Вл. Далю – это «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру», «образовывать ум и сердце», а просвещенный человек – это человек с «понятиями об истине, доблести и долге».

Поэтому основой художественной, педагогической деятельности должно быть просвещение (опять по Вл. Далю) – «свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование при ясном сознании долга своего и цели жизни».

Уверен, абсолютное большинство преподавателей дисциплин (предметов) художественного цикла соответствует этому ощущению педагогического труда: беззаветны, бескорыстны, образованы и порядочны. Много в их труде основано на здоровом самолюбии и тщеславии, на стремлении к успеху (в том числе публичному), и это не недостаток, а свойство профессии, потребность в успешной деятельности. Мало кого радует безуспешное творчество (а художественная педагогика – это обязательно творчество!), мало кто равнодушен к похвале или не реагирует на критику, или не завидует успеху другого. Придумали же люди «белую зависть», а умение радоваться чужому успеху возвели в добродетель. И правильно сделали, потому что стремление быть лучшим вовсе не связано с тем, чтобы остальные были хуже.

Все мы знали завет Станиславского: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве». Запомнить легко, следовать трудно. Больше хочется все-таки любить свое искусство и себя в нем. Да, в художественно-педагогическом коллективе есть кое-что от нетворческих устоев, он тоже иногда и «лазарет больных самолюбий» (А. Чехов), а иногда даже «террариум единомышленников» (Н. Акимов). Но коллективность художественного педагогического творчества предполагает иное, чем в оркестре или театре, использование каждой педагогической индивидуальности, лишь бы это была действительно индивидуальность.

Общеизвестно, что все люди характером разные, нравом, как говорили в старину. Нрав очень ценили наши предки. Для них это понятие складывалось из того, что «ум и нрав слитно образуют дух». Ко нраву человека относили люди волю, любовь, милосердие и иные внутренние свойства характера, в том числе и «крутость» и «мягкость» его. Нрав понимали и как духовное свойство целого народа, а добронравным, добродетельным, благонравным человеком в представлении народа всегда был тот, кто жил согласно с совестью, с законами правды, с человеческим достоинством, с долгом «честного и чистого сердцем» гражданина. А потому не боялись люди нравоучения, понимая это как «честное поученье, наставление к добру», как нравственную философию и как необходимый вывод из какого-нибудь случая, рассказа. Да и превращенное сегодня в почти ругательное слово «назидание» на самом-то деле есть «духовные и нравственные наставленья», а «назидательный» – нравственно полезный.

Художественное образование, будь-то профессиональное, дополнительное, или как часть общего образования, обладает подлинно научной и творческой базой – состоятельностью каждого из искусств, громадным накопленным педагогическим, методическим и просветительским опытом. Творческим фундаментом нашего образования является и материал для обучения. Мы с Вами располагаем великой литературой, великим искусством, великой культурой и великим историческим опытом. И от того, насколько мы владеем этим богатством, насколько мы просветительски одарены, зависят наши успехи. Надо только так любить и знать свое дело, свой предмет, чтобы не в тягость, а в радость с его помощью общаться с детьми и взрослыми.

Художественное воспитание и обучение дается непросто, необходимо не только знание, но и чувствование материала, владение технологией его освоения, т. к. в искусстве знать – значит уметь. Дело сугубо индивидуальное, и методик тут столько, сколько творцов. Вряд ли уж очень полезны указания «свыше» как обучать искусству и литературе, особенно если они расписаны на усредненного специалиста. К примеру, оказалось непреодолимо трудным написать учебники по мастерству актера или режиссуре. Бралась лучшие умы, но дальше размышлений дело не двинулось.

Путь один – само творчество и его изучение. Сам автор и его произведения. Сколько бы ни прочесть книг и статей об А. С. Пушкине, невозможно приобщить к нему обучающихся без глубокого понимания и чувствования Пушкина самим учителем. Ссылки и цитаты не заменяют личного знания и понимания, они лишь могут помочь, если ты чего-то в авторе не понял сам. Высказывание одного дяди о другом (изучаемом) дяде – что это даст уму, а главное сердцу? К сожалению, гуманитарные науки переполнены мнениями одних о делах других, не от того ли и обладают люди зачастую сведениями вместо знаний.

Без собственной точки зрения не понять и Александра Сергеевича Пушкина, хотя литературные, художественные достоинства его произведений общеизвестны. Ну, например...

Попробуйте ответить, прежде всего, себе самому, почему произведения А. С. Пушкина легли в основу необъятного количества выдающихся явлений в музыке, театре, на экране, в изобразительном искусстве. Такого обилия живущих и сегодня опер, балетов, романсов, театральных и экранных постановок по поэзии, прозе и драматургии не знала практика ни у нас, ни за рубежом. Не просто, но важно понять, почему в вечном и великом содружестве с Пушкиным Глинка и Чайковский, Мусоргский и Даргомыжский, Римский-Корсаков, Рахманинов и другие светила русского искусства. А если это поймут и почувствуют Ваши ученики – совсем хорошо. А сколько загадочного в том, как сформировалась его нравственная (педагогическая) индивидуальность. Как у человека, не успевшего постареть, вместо неспешно накапливаемого жизненного опыта стремительно сформировалось педагогическое чутье...

По свидетельствам современников Пушкин до семилетнего возраста «не предвещал» ничего особенного, а отец будущего поэта заметил, что «не имея шести (!) лет, он (Александр – В. Д.) уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин – не то, что другие, и вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз». Дочь Арины Родионовны много лет спустя вспоминала: «смирный был ребенок, тихий такой, что господи! Все с книжками бывало...». Брат поэта в «Биографическом известии об А. С. Пушкине утверждал, что «на восьмом году возраста умел уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. (А стал Александр Сергеевич самым русским поэтом! – В. Д.). Он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем человек не глупый и образованный, библиотека его состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пушкин был одарен памятью необыкновенною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу» (можно понять восхищение младшего брата, хотя «вся» французская литература была наверное все-таки обширней папиной библиотеки). Но при этом легко поверить в то, что Александр Сергеевич кроме французского, хорошо знал итальянский и английский, знал, но не любил немецкий. Преподаватели Лицея отмечали, что юный Пушкин «при малом прилежании оказывает очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям».

Думается, житейское и творческое детство Пушкина – явление пусть и уникальное, но представляет поучительную историю и семейного воспитания, хотя складывается впечатление, что его отца и мать не любила вся Россия, как потом, кстати, попало от неё и жене поэта. Красноречиво об образованности Александра Сергеевича, по моему мнению, говорит и свидетельство об окончании им лицея:

«Воспитанник Императорского Царкосельского Лицея Александр Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божьем, в Логике и Нравственной философии, в Праве Естественном, Частном и Публичном, в Российском Гражданском и Уголовном праве хорошие; в латинской Словесности, в Государственной экономике и Финансах весьма хорошие; в Российской и Французской Словесности также Фехтовании превосходные; сверх того занимался Историею, Географиею, Статистикою, Математикою и немецким языком. Во уверение чего и дано ему от Конференции Имп. Царкосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати. Царское село. Июня 9 дня 1817 г. директор Лицея Егор Энгельгардт. Конференц-секретарь профессор Александр Куницын».

(Ничего себе: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», может быть позаимствовать стоит из этой программы обучения и для нынешних стандартов?). То, что просвещенность и нравственность пронизали его литературный дар, свидетельствуют и размышления самого А. С. Пушкина.

Вот небольшая, но официальная записка Пушкина «О народном воспитании», составленная им по

распоряжению нового царя Николая I. Поэту в то время было 27 лет.

«... Надлежит защитить новое, возрастающее (лучше чем «подростающее»!) поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества; воспитание, или лучше сказать отсутствие воспитания есть корень всякого зла... Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Пушкин в этой записке предложил свое видение общественного совершенствования: 1) уничтожить чины – ибо они «страстию русского народа», а если уничтожить их нельзя, то представить чины целью и достоянием просвещения; 2) подавить воспитание частное, т.к. в России домашнее воспитание есть «самое недостаточное, самое безнравственное»; 3) уничтожить экзамены, т.к. поскольку «в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслью промышленности для профессоров»; 4) уничтожить телесные наказания, т.к. «надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия; слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников; 5) последовательное расположение учебных дисциплин от простого к сложному, где особое место должно занять изучение истории Отечества. «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян (читай – ведущей социальной силы), готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Царь, поблагодарив Пушкина за ряд полезных истин, не преминул ему «вымыть голову» (по выражению Александра Сергеевича, по нашему «намылить шею» или «прочистить мозги»), передав через Бенкендорфа, что «принятые всеми правила, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и поведшее в оную толикое число молодых людей.

Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание». Не это ли первые намеки на будущие трудности непокорного поэта, тем более что через год после декабрьских событий 1825 года вряд ли улеглись страсти – к следствию было привлечено 579 человек, 5 из которых повешены, 121 человек сослан на каторгу и поселение, свыше 3-х тысяч солдат подверглись репрессиям.

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не считал, что «в лучшее время жизни (детство и юность - В. Д.) сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противоречия сущности рождают в нем сомнения, чувства мучительные, но непродолжительные. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим».

А позднее, в своем «Опровержении на критики» - недописанной, к сожалению, статье А. С. Пушкина, отвечая блюстителям нравственности, еще раз подчеркнул, «Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное (не путать со строем общественным – В. Д.) или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав..., но шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрой воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие».

А. С. Пушкин предельно сознавал трагическую ответственность литератора перед обществом и временем, во многих своих сочинениях он говорил о трудной стезе поэта, и большинство его мыслей на этот счет хорошо известно. Например: «... дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».

Глубокий педагогический и нравственный потенциал содержит в себе драматургия А. С. Пушкина. Один лишь пример:

Вовсе не исторический, а нравственный сюжет выстроен в исторической его пьесе «Борис Годунов». Не грех или преступление мучили Годунова, а бессилие перед мнением народным, основанным на клевете. А ведь Борис Годунов – это впервые в истории России легитимно избранный на конкурсной основе царь. Но бояре не дали роду Годуновых превратиться в династию, умертвили сына Годунова вскоре после того, как тот унаследовал трон и тут же сдали Москву самозванцу, которого в Польше готовили в русские цари. В пьесе есть сцена, которая почему-то была исключена автором из первой печатной редакции. В ней персонаж «Злой чернец» предлагает Гришке Отрепьеву:

Слушай: глупый наш народ
Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь?
Григорий: Понимаю.
Чернец: Что же скажешь?
Григорий: Решено!
Я – Димитрий, я – царевич.
Чернец: Дай мне руку: будешь царь.

Казалось бы, благообразием и кротостью наградил Пушкин старца Пимена, но вот слова Отрепьева:

Борис! Борис! Всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца. –
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского.
Как не уйдешь от божьего суда.

Между прочим, Чудов-то монастырь располагался на территории Кремля, а Отрепьева так «старательно» (в кавычках) ловили, что поймать не могли на расстоянии тысяч километров от Москвы до польской границы. А иные летописи менее всего походили на объективное освещение прошлого.

Нет доказательств, что виноват Борис Годунов в убиении царевича Димитрия, но:

Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых.
Им ярый вопль тревожит сердце наше!
...Но не месть народу, а нравственный наказ самому себе:
Ах! Чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть не чиста.

(Ошибся Мусоргский, полагая, что Годунову мерещится убиенный Дмитрий).
Поэтому и сына своего наставляет Борис прежде всего как человека, а потом уж царя:

Я с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глаз измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный владитель,
Как управлять ты будешь под грозой
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабость дарует ему... Слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,

Любимого народом – а в боярах
Почтенного породой или славой –
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй течение дел. Привычка –
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнуется женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинность и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь всегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься...

(О хорошем, мудром человеке написал А.С. Пушкин свою трагедию).

Следует сказать, что театральная часть творчества и размышлений А.С. Пушкина – это огромный и, смею уверить, маловато знаемый даже специалистами мир. А ведь именно Пушкину принадлежат и фундаментальное обоснование принципов русского реалистического театра, которые легли в основу творческой деятельности профессионального и любительского театра XIX и XX веков. Пушкин начал то движение театра во всех его ипостасях, которое последователи возвели на недостижимую для всех стран вершину.

Опять лишь примеры.

В статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница», написанной в 1830 году (но опубликованной через 11 лет) Александр Сергеевич сформулировал профессиональное и нравственное требование к драматургу: «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя». Поменяв слово «предполагаемых» на «предлагаемых» (т.к. драматург предполагает, сочиняет обстоятельства, а актеру и режиссеру он их предлагает) К.С. Станиславский положил Пушкинское требование в основу своего учения о теории и технологии театра. Именно с Пушкина отечественная драма стала, по его выражению, «заведовать страстями и душой человеческой», и в дальнейшем русский театр утверждал сценический реализм не только как художественную истину, но и как нравственное веление времени.

А. С. Пушкин созданную им драматургию пытался сделать увлекательным средством просвещения и нравственности, даже драматургические заготовки основывал, прежде всего, на поучительности. Большинство его прозаических и стихотворных произведений также насквозь театральны и драматичны.

Я думаю, что секрет Пушкинского интереса к театру и успехов в нем заключен в его пылкой любви к театру («Волшебный край!.. Там, там под сению кулис молодые дни мои неслись...»).

Только пылко и глубоко любящий театр человек мог так написать:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипят;
В райке нетерпеливо плещут.
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух из уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.
Всё хлопает. (!!)

Конечно, Пушкин – редкость. Его Моцарт из «Маленьких трагедий» справедливо говорит:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не сдал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых трудных
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Да, их мало...

Вероятно, есть смысл в преддверии 210-летия великого Александра Сергеевича, еще раз подумать о том, чем нам любезен и поучителен Пушкин в век, когда все меньшее число людей обливается слезами над художественным вымыслом, а литература все больше становится чтивом.

Два чувства дивно близки нам,
В них отражает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его...